

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-55-69

**«Детство» Л. Н. Толстого
в романе Марины Степновой «Сад»**

Ксения Вадимовна Абрамова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Аннотация

Статья посвящена анализу романа Марины Степновой «Сад» и интертекстуального воплощения в нем темы детства. Текст Марины Степновой построен так, что предполагает его прочтение именно с точки зрения интертекста: автор вплетает в повествование узнаваемые цитаты из различных произведений, которые рассматриваются как аллюзии, отсылающие к произведениям классической русской и зарубежной литературы. Мы рассматриваем роман Степновой с точки зрения отражения в нем повести Л. Н. Толстого «Детство», которая присутствует не в виде явного цитирования или прямой отсылки, как многие другие произведения, а в качестве «третьего текста», интерпретанты. Это позволяет проследить за реализацией некоторых мотивов, характерных для воплощения детской темы в русской литературе, например, мотива эдемского сада, мотива усадьбы и др. Кроме того, этот подход позволяет нам сопоставить отдельные фрагменты повести XIX в. и романа XXI в., проследить совпадающие элементы в этих эпизодах и прийти к выводу, что фантастический сад Борятинских в романе как будто «вырастает» из истории становления Николеньки Иртеньева. Отдельно мы останавливаемся на теме немоты, молчания, способности и невозможности выразить себя в слове, которая занимает значительное место в рассматриваемом произведении. Роман Марины Степновой «Сад» становится своеобразной пародией на роман воспитания, в нем присутствуют многие темы и мотивы, характерные для жанра Bildungsroman, но все они искажаются, пастишируются. В то же время в романе отсутствует важный элемент, характерный для данного жанра, – описание проявления детского сознания главной героини, тема детского восприятия реализуется через окружающих ее людей, других героев романа Марины Степновой, поскольку с ними оказываются связаны многочисленные обращения к теме детства. В результате мы приходим к выводу, что образ главной героини превращается в силу, управляющую всеми другими героями, отражает и подменяет фигуру автора.

Ключевые слова

тема детства, роман воспитания, пародийность, интертекстуальность, Л. Н. Толстой, «третий текст», интерпретанта, Bildungsroman, Марина Степнова

Для цитирования

Абрамова К. В. «Детство» Л. Н. Толстого в романе Марины Степновой «Сад» // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 55–69. DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-55-69

© Абрамова К. В., 2023

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 55–69
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4, pp. 55–69

“Childhood” by L.N. Tolstoy in Marina Stepnova’s Novel “The Garden”

Ksenia V. Abramova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Abstract

Our article is devoted to the analysis of Marina Stepnova’s novel “The Garden” from the point of view of the intertextual embodiment of the theme of childhood in it. Marina Stepnova’s text is structured in such a way that it suggests reading it precisely from the point of view of intertext: the author weaves recognizable quotes from various works into the narrative, which are considered as allusions referring to the works of classical Russian and foreign literature. We consider Stepnova’s novel as a reflection in it of L. N. Tolstoy’s novel “Childhood”, which is present not in the form of an explicit citation or direct reference, like many other works, but as a “third text”, interpreters. This allows to follow the implementation of some motifs characteristic of the embodiment of children’s themes in Russian literature, for example, The Garden of Eden motif, the motif of the estate and others. In addition, this approach allows us to compare individual fragments of the story of the 19th century and the novel of the 21st century, trace the coinciding elements in these episodes and come to the conclusion that the fantastic garden of the Boryatinskys in the novel seems to “grow” out of the history of the formation of Nikolen’ka Irtenev. Separately, we dwell on the theme of muteness, silence, the ability and impossibility of expressing oneself in words, which occupies a significant place in the work under consideration. Marina Stepnova’s novel “The Garden” becomes a kind of parody of a parenting novel, it contains many themes and motives characteristic of the Bildungsroman genre, but they are all distorted, pastishized. At the same time, the novel lacks an important element characteristic of this genre – a description of the manifestation of the children’s consciousness of the main character, the theme of children’s perception is realized through the people around her, other heroes of Marina Stepnova’s novel, since numerous appeals to the topic of childhood are associated with them. As a result, we come to the conclusion that the image of the main character turns into a force that controls all other heroes, reflects and replaces the figure of the author.

Keywords

theme of childhood, novel of education, parody, intertextuality, L. N. Tolstoy, “third text”, interpretant, Bildungsroman, Marina Stepnova

For citation

Abramova K. V. “Childhood” by L. N. Tolstoy in Marina Stepnova’s Novel “The Garden”. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 4, pp. 55–69. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-55-69

Роман Марины Степновой «Сад» опубликован в 2020 г. и сразу же был отмечен вниманием критиков и читателей. В научных исследованиях, которые появились после выхода романа, неоднократно отмечалась интертекстуальная насыщенность романа «Сад»: в нем находят отсылки к произведениям Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, В. В. Набо-

кова и др.¹ Сама ткань текста Марины Степновой предполагает прочтение именно с точки зрения интертекста: автор вплетает в повествование узнаваемые цитаты из различных текстов, которые рассматриваются как аллюзии, отсылающие к произведениям классической русской и зарубежной литературы и позволяющие сопоставить героев и события романа Степновой с теми или иными образами из предшествующей литературы.

В то же время, по словам Вяч. Вс. Иванова, «цитаты могут рассматриваться как метонимические заместители целого текста» [Иванов, 1973, с. 19] либо быть «знаком другого текста, то есть любым видом его замещения» [Минц, 1973, с. 394], и подобные интертекстуальные отсылки как будто вписывают роман в ряд с классическими текстами, помогают создать фон для описываемых событий, хотя отсутствие обозначения цитат, их «присвоение» автором ведет к возникновению пародийности в тексте романа «Сад». Этот аспект мы рассмотрим позднее, сейчас же заметим, что «невыделенная кавычками цитата у Бахтина – это цитата с “пародийно-ироническими акцентами автора”» [Семенова, 2002, с. 41]². Кроме того, Н. В. Семенова в связи с рассуждениями о цитатах развивает положение о слова-сигналах: «Можно предположить, что слова-сигналы в прозаическом произведении обладают большими возможностями по сравнению с поэтическими текстами, позволяя осуществить сложный многоэтапный маневр при дешифровке цитаты» [Там же].

Одним из вариантов проявления в тексте романа Марины Степновой «Сад» цитат, которые становятся словами-сигналами, запускающими процесс расшифровки интертекстуальных отсылок, является первая же фраза, с которой начинается роман: «Что за прелесть эта Наташа!». Она не только отсылает к одному из основополагающих произведений русской литературы XIX в., что не раз упоминалось исследователями³, и предвосхищает появление главной героини романа, девочки Туси, неожиданного ребенка четы Борятинских, но и относится к самому творению Льва Николаевича Толстого: эта фраза вложена в уста Надежды Александровны, будущей матери героини, восхищающейся только что прочитанной книгой. Цитаты как будто получают материальное воплощение, мир романа превращается в бесконечную библиотеку, в ней появляются даже книги, которые не могли еще существовать в год выхода «Войны и мира» (как, например, мандельштамовская цитата «Россия, Лета, Лорелея» в рассуждениях о студенте, следившем за княжеской библиотекой⁴), хотя именно этим годом маркировано начало действия романа. Сама библиотека оказывается уничтоженной уже в самом начале романа, вскоре после рождения и спасения от гибели Туси. Создание и последующее разрушение образа библиотеки как будто продолжает игру автора с читателем, придает ироническое звучание и цитатам, и самому растиражированному образу мира как библиотеки, и в то же время как будто предсказывает финал романа.

¹ См., например: [Жукова, 2021; Щукина, 2022; Ребель, 2022; Безруков, Смирнова, 2023].

² См. также [Бахтин, 2017].

³ См., например: [Щукина, 2022; Ребель, 2022].

⁴ См. [Степнова, 2021б, с. 11].

Расшифровка явных и скрытых цитат в романе «Сад», обыгрывание их в тексте может стать материалом не одного исследования, мы же в нашей работе хотим подробнее остановиться на проявлении темы детства, которая играет немаловажную роль в романе Степновой. Причем, на наш взгляд, тема детства в романе «Сад» проявляется особым образом. С одной стороны, «Сад» встраивается в череду романов воспитания, и мотив становления героя, перехода от младенчества через детство и отрочество к юности и взрослому состоянию пронизывает все повествование. С другой стороны, описание изменений в характере и воззрениях человека, происходящих в процессе его взросления, которое является, согласно М. М. Бахтину, необходимой и отличительной чертой романа воспитания⁵, в произведении Марии Степновой приобретает специфические черты. Это заключается, например, в том, что, как мы покажем далее, описание детства Туси, главной героини романа, за чьим становлением и должен следить читатель, не сопровождается раскрытием ее восприятия и переживаний.

Кроме того, в связи с соотнесением с жанром *Bildungsroman* и через упомянутую нами выше отсылку к «Войне и миру» Л. Н. Толстого в романе Марины Степновой, с нашей точки зрения, присутствует и другое, не менее известное, произведение Л. Н. Толстого – трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность». Но присутствие осуществляется не в виде явного цитирования или прямой аллюзии, а в качестве «третьего текста», интерпретанты⁶. В нашей статье мы хотим показать, как в романе Марины Степновой «Сад» проявляется включение в интертекстуальные связи первой части трилогии Л. Н. Толстого, повести «Детство».

Как указывает М. Ямпольский, «третий текст» за счет осуществляемого им напластования форм способствует преодолению однозначности «содержания», одновременно «расширяет» и «сужает» смысл, задает различные перспективы чтения, позволяет расшифровать «схему аномалий, которая не может быть нормализована с помощью одного интертекста» [Ямпольский, 1993, с. 81–82]. Например, использование при анализе романа «Сад» повести о взрослении Л. Н. Толстого позволяет говорить нам о расширении интерпретации эпизода описания долгих и мучительных родов, в которых мать и дитя почти погибают. Одно из центральных мест в «Детстве» Толстого занимает описание смерти и похорон матери, воздействия этих событий на Николеньку. Причем смерть удваивается: умирает также и Наталья Савишна, и эта двойная утрата служит своеобразной границей, обозначающей окончание детства героя. В произведении Степновой мать и дочь остаются живы, и смерть матери будет показана уже в финале романа, но здесь также происходит удвоение – могут погибнуть обе героини (заметим, позже девочка еще раз оказывается на грани жизни и смерти, но ее спасает вер-

⁵ См. [Бахтин, 1986, с. 209–216].

⁶ Об интерпретанте и ее функции в установлении интертекстуальных связей см., например: [Фатеева, 2012, с. 22–23; Ямпольский, 1993, с. 82–83]. К этой теме, на наш взгляд, примыкает и позиция И. П. Смирнова, который рассматривает интертекстуальность как слагаемое широкого понятия, сущность которого заключается в том, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе [Смирнов, 1995, с. 11].

нувшийся доктор Мейзель ⁷), и этот эпизод тоже становится пограничным, только он отмечает момент рождения героини.

Значение указанного отрывка подчеркивается еще и тем, что имя, прозвучавшее в первых же строках романа, появляется в качестве имени героини только одновременно с рождением девочки. Уже на грани смерти Надежда Александровна пытается припомнить имя своей дочери: «Она хотела позвать – но не знала как. Имя ребенка, которое она давно выбрала сама и твердо помнила еще несколько минут назад, ускользало, вместо него зудело в голове имя давно выросшей Лизы, и Борятинская отмахнулась от него, как от назойливой осы» [Степнова, 2021б, с. 62] ⁸. Автор в итоге подменит имя, использует уменьшительный, «детский» его вариант: «...а девочка все звала откуда-то из глубины холодного сладкого света – мама! мама! И вдруг Борятинская вспомнила. Наташа! – закричала она в ответ. И свет разом погас. И только в темноте, такой же непроницаемой, как свет, детский голос сказал отчетливо и сердито. Не Наташа. А Туся» (с. 62). Рождение и обретение имени происходит как будто по воле самой героини, ее мать превращается в статиста, марионетку, выполняющую требования еще находящейся в небытии, не появившейся на страницах романа девочки.

В центре сюжета романа «Сад» – семья Борятинских, только что переехавших в приобретенное имение Анна в Воронежской губернии. Отметим, что наравне с отсылками к литературным произведениям автор использует в романе и реальные факты, которые перерабатываются, переосмысляются. Например, семья, в которой появляется на свет девочка Туся, может ассоциироваться с княжеским родом Борятинских ⁹, которым принадлежала реально существующая усадьба с необычным названием Анна ¹⁰, но перешло оно во владение к ним немного позже заявленного в романе времени, в 1873 г. К концу XIX в. оно стало крупным помещением, на территории которого были расположены винокурный завод, маслозавод, кирпичный завод и конный завод. Заметим, что постройкой последнего заканчивается роман Марины Степновой – реальность и художественный мир произведения тесно переплетаются. К усадьбе, двухэтажный дворец в которой был уничтожен пожаром в 20-х гг. XX в., примыкает парк, в создании которого использованы завезенные лиственные и хвойные деревья. В романе же Степновой, он превращается в сад, по своей пышности и плодovitости родственник эдемскому:

⁷ Отметим, что изгнание немца еще до рождения Туси и роль воспитателя, которую он занимает после своего возвращения, может быть воспринято как своеобразное отражение в романе фигуры Карла Иваныча, учителя Николеньки из «Детства» Л. Н. Толстого, к этому мы еще вернемся.

⁸ Далее ссылки на роман делаются по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

⁹ Различия в написании фамилий реально существовавших людей и вымышленных персонажей тоже напоминает о романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

¹⁰ Это название вызывает ассоциации с романом Льва Толстого «Анна Каренина». О. В. Резник говорит о том, что это название задает древнееврейскую и христианскую символику в романе Марины Степновой [Резник, 2021, с. 80]. Кроме того, название поместья совпадает с именем одной из героинь – воспитанницы княгини Борятинской, которую все называют «детским» вариантом имени, Нютой, что как будто маскирует ее имя.

Вокруг был праздник – нескончаемый, щедрый, торжествующий. Сочная, почти первобытная зелень перла отовсюду, кудрявилась, завивалась в петли, топорщила неистовые махры. Надежда Александровна физически чувствовала вокруг тихое неостановимое движение: сонное пчелиное гудение, комариный стон, ход соков в невидимых прочных жилах, лопотание листьев и даже тонкий, натужный писк, с которым раздвигали землю бледные молодые стрелки будущих растений. Гёльдерлин, которого она так любила, бедный, бедный, сорок из отпущенных ему семидесяти трех лет проведенный под многокилометровой толщей прозрачайшего германского безумия, назвал бы этот сад гимном божественным силам природы (с. 15).

Ожидается, что образ сада, вынесенный в заглавие ¹¹, представший величественным, великолепным, занимающий важное место в первой главе романа, сыграет значительную роль в повествовании, будет ключевым образом, но, как замечает Д. А. Щукина, он выполняет лишь функцию экспозиции, «своеобразной развернутой ремарки, эксплицируя “стилистическую изысканность” и порождая различного рода интертекстуальные отсылки <...> на сады дворянских поместий из русской классической литературы: тургеневские “дворянские гнезда”, бунинские яблоневые сады и, конечно, чеховский “вишневый сад”» [Щукина, 2022, с. 840]. Приведенные аллюзии не вызывают сомнений, все они оказываются вписанными в текст романа и открывают в нем дополнительные возможности прочтения. Добавим, что мотив сада в русской литературе не раз становился объектом научного интереса, упомянем лишь два исследования обобщающего характера: работу Д. С. Лихачева [1998] и недавнее обширное исследование «Сады Серебряного века. Литература. Живопись. Архитектура» [2022], но мы не будем подробно останавливаться на интертекстуальности образа сада, поскольку для нашего исследования важно, что в то же время образ сада ведет за собой интересующую нас тему детства, причем ее реализация может быть рассмотрена в разных аспектах. Мотив эдема как будто переносит действие в момент «до грехопадения», в «детство человечества», и это ведет к тому, что герои, княгиня, а затем и князь Борятинские, могут освободиться от всех требований и условностей общества.

Надежда Александровна Борятинская оказывается соблазненной этим природным изобилием, причем в тексте появляется и библейское яблоко («Надежда Александровна, дошедшая до яблонь, сорвала и закусала крепкое шишковатое яблочко, невзрачную уродушку, вскипевшую на губах теплым, душистым соком» (с. 15)), а затем автор напрямую воссоздает сцену грехопадения: «Надежда Александровна надкусила горячую сливу, протянула мужу – лопнувшую, почти библейскую, почти смокву, текущую голодом и медом, из сада маленькой, смуглоногой и тоже выдуманной Суламифи. На, возьми, милый. Попробуй» (с. 15). В результате между уже пожилыми супругами после двадцатипятилетнего брака вспыхивает страсть – и рождается дочь, Наталья Владимировна Борятинская, Туся, необыкновенный ребенок, становящийся центром повествования.

Другой же аспект темы детства, связанный с описанием сада в романе Марины Степновой, мы можем выявить, если обратимся к повести Л. Н. Толстого «Детство» как к интерпретанте. В первую очередь, такое обращение подсвечивает мотив

¹¹ О значении заглавия в романе Марины Степновой см., например: [Стрельникова, 2023].

усадьбы как места, где ребенок получает первое восприятие окружающего мира, и природные явления естественным образом входят в круг воздействующих на него вещей. Но также, на наш взгляд, становится возможным сопоставление описаний, появляющихся и в повести XIX в., и в романе XXI в.

В дополнение к уже приведенным отрывкам из произведения Степновой рассмотрим следующий фрагмент: «Надежда Александровна задрала голову – мир над ней крутанулся, зеленый и алый, темно-гладкий, насквозь пронизанный светом, наливной, – и засмеялась от радости. <...> Надежда Александровна подпрыгнула и сорвала тяжелую горячую ягоду» (с. 16). Сад превращается в целый мир, поглощает все вокруг, но его описание становится как будто гиперболизированным отражением пикника после охоты, открывающим главу «Игры» в повести «Детство»:

Охота кончилась. В тени молодых березок был разостлан ковер, и на ковре кружком сидело все общество. Буфетчик Гаврило, примяв около себя зеленую, сочную траву, перетирал тарелки и доставал из коробочки завернутые в листья сливы и персики. Сквозь зеленые ветви молодых берез просвечивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плешивую вспотевшую голову Гаврилы круглые колеблющиеся просветы [Толстой, 1935, с. 26].

Мотивы наполненности солнцем («насквозь пронизанный светом» в романе «Сад»; «колеблющиеся просветы» на всем вокруг в повести «Детство»), пышности и изобилия природы («зеленый и алый», «наливной» у Степновой; «зеленая, сочная трава» у Толстого) и даже появляющиеся в обоих текстах фрукты (в романе «Сад» в виде необычайного урожая, в «Детстве» в качестве подготовленного угощения) создают впечатление, что фантастический сад Борятинских как будто «вырастает» из истории становления Николеньки Иртеньева¹².

Заметим, что в «Детстве» Л. Н. Толстого после приведенного фрагмента следует описание игр, хотя и неудавшихся из-за нежелания принимать в них участие Володи, а в романе Марины Степновой сразу же после библейского вкушения плодов сада перед читателем впервые появляется Туся, причем тоже в сцене, которую можно назвать детской игрой:

¹² Мотив сада, который заполняет весь мир, конечно, связан с темой рая, и в этом варианте он встречается, например, в рассказе Татьяны Толстой «На золотом крыльце сидели...»: «Вначале был сад. Детство было садом. Без конца и края, без границ и заборов, в шуме и шелесте, золотой на солнце, светло-зеленый в тени, тысячеярусный – от вереска до верхушек сосен; на юг – колодец с жабами, на север – белые розы и грибы, на запад – комариный малинник, на восток – черничник, шмели, обрыв, озеро, мостки. Говорят, рано утром на озере видели совершенно голого человека. Честное слово. Не говори маме. Знаешь, кто это был?..» [Толстая, 2008, с. 37]. И в романе Степновой, и в рассказе Толстой тема детства сопровождается мотивом сада, который становится «мифопоэтической идиллической моделью детского топоса» [Рябцева, Топчиева, 2018, с. 57]. Кроме того, в описании детского мира-сада у Татьяны Толстой тоже появляются мотивы, перекликающиеся с повестью Л. Н. Толстого «Детство». Отметим также, что в произведении Т. Толстой переход от авторской речи к диалогу героев происходит незаметно, без графического оформления, как иногда это происходит и в романе М. Степновой «Сад». Об интертекстуальности потока сознания, вариантом которого выступает такой прием введения в текст мыслей и реплик героев, см. [Руднев, 1999].

Накрытый чай никто так и не распорядился убрать¹³ – на радость дроздам, устроившим в беседке быстрое вороватое пиршество. Молоко, жирное желтоватое, свернулось к утру, приказало долго жить. Сахарницу разорили муравьи. Они же разнесли по всему саду сладкие крошки. Пирог и правда вышел отменный. Горячие яблоки, корица, меренги. Одну из серебряных ложечек уволокла обомлевшая от счастья мелко стрекочущая сорока, другая ложечка спаслась – соскользнула на пол, в щель, в спасительную темноту, дожидаясь своего часа, – через много лет ее выудит ловкая и глазастая Туся, протянет Нюте – смотри, что я нашла!

Две девочки – одинаковые плечики, одинаковые платица, одинаковые ниточки чистых проборов – склонятся над заманчивой вещицей, разбирая потемневший вензель. А, это мамина! Я знаю! Мамина! Пойдем покажем? И обе побегут, сшибая на ходу желтые бесполовые головы рослых одуванчиков. Нюта, как всегда, на полшага сзади (с. 20–21).

В этом эпизоде, появляющемся в тексте еще до описания рождения Туси, автор «запутывает» читателя, который пока не знает всех последствий случившегося. Загадка заключается и в том, что здесь появляются две девочки, подчеркнута одинаковые – Туся и Нюта, и неясно, кто из них (а может быть, и обе) говорит о маме. В дальнейшем читатель обнаружит, что эта сцена практически невозможна: в имении появится и девочка Нюта, осиротевшая дочь швеи, принятая княгиней Борятинской на воспитание, но она будет отличаться от Туси настолько, что доктор Григорий Иванович Мейзель, первым определивший беременность Борятинской и ставший затем воспитателем Туси, возненавидит Нюту, которая выглядит гораздо более похожей на княжну, чем Туся.

К концу первой главы автор сообщит, что девочка Туся – немая («Ничего естественного в Тусином молчании не было. Она была немая. Совершенно. Немтырь. Захлопнувшаяся шкатулка» (с. 93)). После такого сообщения разговор двух девочек становится вовсе фантастическим, превращается в галлюцинацию, которая привиделась Надежде Александровне в экстатическом восторге. Отметим, что и «речь» девочки («А, это мамина! Я знаю! Мамина! Пойдем покажем?»), и встречающиеся ранее слова, которые произносит Надежда Александровна, обращаясь к своему мужу («На, возьми, милый. Попробуй»), не оформлены как прямая речь или реплика в диалоге, поэтому их принадлежность тому или иному герою как будто скрывается, и в то же время слова превращаются в часть внутреннего монолога героини, остаются произнесенными.

Тема немоты, молчания, а также связанная с этим тема языка, слова также занимает важное место в романе. Приведем некоторые примеры ее проявления в романе. Так, Тусю воспитывает немец (вспомним этимологические корни этого слова) Мейзель. В романе раскрывается история его рода (в главе «Отец», что нарушает читательские ожидания, об этом мы скажем ниже), и один из его предков, в возрасте 4 лет вывезенный из Москвы во времена Ивана Грозного, спасенный после казни его отца, тоже лекаря и полного тезки Григория Ивановича, знал шесть языков, и на всех заикался, за исключением русской брани. Многие персонажи романа дwoятся: удваиваются девочки в сцене с найденной чайной ложечкой, один пращур Мейзеля носит такое же имя, как и доктор, а другой испытывает

¹³ Отметим здесь еще одну переключку с приведенным эпизодом из повести Л. Н. Толстого «Детство»: в романе так же, как и в произведении Л. Н. Толстого, накрывают чай в саду.

трудности с речью, что тоже делает его своеобразным двойником Туси. Вообще, многих персонажей романа охватывает немота, невозможность выразить что-либо в слове или невозможность понять сказанное. Так, например, старших детей Борятинских встречает «незнакомый кучер, не то сонный, не то глухонемой», а Лиза в дороге молчит, потому что «устала наконец до полной немоты» (с. 34). Подобным явлением становится и то, что Надежда Александровна, страстно читавшая книги и собиравшая роскошную библиотеку, после рождения дочери разочаровывается в них, а после спасения девочки Мейзелем от смерти в младенчестве, все книги и вовсе уничтожаются.

Страстный порыв, приведший к зачатию Туси, тоже сопровождается языковыми аномалиями: «с того самого поцелуя в саду они и слова не сказали друг другу не по-русски – привычный французский не выдерживал живого, жаркого напора, жал непривычно в шаг...» (с. 23)¹⁴, а раньше, еще до соблазнения и «грехопадения», Надежда Александровна, отчитывая неумелую служанку, неожиданно вспоминает «детское» слово¹⁵: «Платок на ней сбился так, что видна была круглая, смазанная лампадным маслом макушка. Очень детская. Маковка, – вдруг вспомнила Надежда Александровна чудесное и тоже очень детское слово. Няня так говорила. Дай-ка я тебя, ласточка, в маковку поцелую» (с. 14).

Туся заговорит, доктор Мейзель найдет способ преодолеть этот недуг, но заговорит девочка отборнейшей нецензурной бранью. Происходит подмена детского слова, которое должно восприниматься нежным и невинным. На наш взгляд, в этом проявляется переверачивание, пародирование, пастиширование традиции жанра повести о детстве, который в русской литературе начинается в первую очередь с произведений Л. Н. Толстого.

Пародирование, или, возможно, пастиш, в романе Марины Степновой «Сад» возникает из-за двойственности в проявлении темы взросления героини, традиционной для романа воспитания. С одной стороны, нам рассказывается о рождении, воспитании, взрослении Туси, но, с другой стороны, мы всегда видим ее чужими глазами, ее сознание, ее восприятие остается практически недоступным, а передача особенности восприятия мира ребенком, а также изменения такого восприятия, как мы отмечали в начале нашей работы, – это частая составляющая жанра *Bildungsroman*. Приведенный и проанализированный нами выше отрывок о двух девочках, разыскавших забытую серебряную ложечку, – это практически единственный эпизод в романе «Сад», где явлено сознание девочки так подробно.

Ассоциации с «Детством» Льва Толстого возникают также, например, когда мы замечаем, что пять глав романа «Сад» называются «Мать», «Отец», «Дочь», «Брат», «Сын». Они воспринимаются как достаточно нейтральные и, конечно, не повторяющие напрямую заголовки в повести Толстого, но они очерчивают перечень близкородственных отношений, которые важны для мира ребенка, поскольку напрямую влияют на него.

¹⁴ Всего через несколько страниц Надежда Александровна сообщит супругу о неожиданной беременности, и разговор между ними будет вестись, вопреки упомянутому утверждению, на французском.

¹⁵ Тема детства у Степновой часто сопровождается рассуждениями о специфических словах, а само слово и его восприятие становится маркером детского сознания. Так происходит, например, в рассказах «Тудой» и «Боярышник» [Степнова, 2021 а].

Эти названия также побуждают исследователей отнести произведение Степной к жанру семейного романа (см., например, [Резник, 2021]), хотя, на наш взгляд, такое жанровое определение возможно тоже с оговорками, поскольку созданные заголовками читательские ожидания постоянно нарушаются (это также отмечалось в исследовательской литературе, например, в работе [Щукина, 2022]). Уже во второй главе, названной «Отец», происходит как будто сбой в таком повествовании. После прочтения первой главы, центральной фигурой которой является мать Туси, Надежда Александровна, читатель ждет, что дальше речь пойдет о Владимире Анатольевиче, отце девочки. Но в этой главе рассказывается о Григории Ивановиче Мейзеле, причем сначала речь идет об отце его предка. Фигура врача-немца, который взял воспитание девочки в свои руки, не может не напомнить об учителе Карле Ивановиче, обучавшем Николенку в повести Л. Н. Толстого «Детство», но в романе «Сад» немец занимает место родителя, превращается в него. Владимир Анатольевич, настоящий отец Туси, постепенно исчезает, его пугает немота девочки, он тяготится ее существованием и в итоге сбегает из имени Анна и со страниц романа. В романе «Сад» происходит еще одна метаморфоза, связанная с фигурой отца: упоминается, что Туся до 6 лет считает своим отцом коня Боярина и Григория Ивановича, которому девочка дает метонимическое прозвище «Грива» – как будто сокращение от его имени и отчества, таким образом доктор превращается в часть этого коня.

Подобное происходит и в других главах. В главе «Дочь» рассказывается история Нюты, которая больше похожа на княжну, чем Туся, и которая как будто заменяет Надежде Александровне дочь, становится сестрой Туси. Но после расторгнутой помолвки Нюта неожиданно исчезает из поместья, и это проходит совершенно незаметно для всех остальных героев романа, как будто ее и не было: «Нюточку они вспомнили всего однажды – и оба осеклись. Она ушла той же ночью, что и Мейзель, и никто не знал, куда исчезла. Будто водой черной смыло» (с. 392).

В главе «Брат» появляется не родной старший брат Туси ¹⁶, а новый персонаж – Виктор Радович, и кажется, что последний тоже каким-то образом войдет в семью Борятинских, став братом Тусе и Нюте ¹⁷, но он оказывается вовсе не братом, а женихом Нюты, а затем, неожиданно, мужем Туси. Герою же, к ко-

¹⁶ Он, заметим, остается практически безликим, тогда как старшая сестра Лиза имеет «вздернутую – как в “Войне и мире” – румяную верхнюю губу» (с. 39), что приближает ее к главной героине, к Тусе, названной в честь Наташи Ростовской. Это тоже создает ожидание, что Лиза появится далее в повествовании, но это ожидание тоже не оправдывается.

¹⁷ В начале главы «Брат» есть эпизод, который перекликается с проанализированным нами выше фрагментом о двух девочках: «Радович поскользнулся на предательски посыпанной снегом тропинке и шлепнулся звонко – со всего размаху. Синяя фуражка соскочила, запрыгала, пошла потешным колесом, и, побалансировав немного, нашла приют в грязной подтаявшей луже. Идущие впереди барышни оглянулись и захихикали, подталкивая друг друга. Одинаковые шапочки, одинаковые шубки, одинаково не прикрывающие коричневых форменных платьиц. Только следы от каблучков – разные. Гимназистки». Именно описание двух гимназисток, как полностью одинаковых, напоминает о детях, отыскавших чайную ложечку: «Одинаковые плечики, одинаковые платьица, одинаковые ниточки чистых проборов», – но гимназистки не оказываются Нютой и Тусей, с ними Радович познакомится значительно позже.

торому читатель может отнести заголовок этой части романа, становится ближайший друг Виктора Радовича – Александр Ульянов, брат Владимира Ульянова, который даже промелькнет в романе, страшно раздражая Виктора Радовича, поскольку вся семья Александра мешает ему наслаждаться обществом друга.

Участие Александра Ульянова в террористической организации и его арест приводят к бегству Радовича из Петербурга, попытке его затеряться в глуши, к появлению его в Анне. А образ Саши Ульянова становится единственным, вопреки ожиданиям, проведением в романе любовной темы. В романе даже возникает любовный треугольник между Радовичем, Нютой, чьим женихом он становится, Тусей, которая возвращается в имение и влюбляется в невероятно красивого молодого человека. Но ни роман с Нютой, ни отношения с Тусей, о которых читатель узнает практически в то же время, что и Надежда Александровна Борятинская, – после осуществленного тайного венчания, не описаны в романе, и мы ничего не знаем о чувствах, испытываемых героями (обманутая женихом Нюта, как мы упоминали выше, просто исчезает из имения). А вот дружба Виктора Радовича и Александра Ульянова описана подробно, и в финале романа, уже после сообщения о беременности Туси, как будто замыкающей круг всего повествования, начавшегося с беременности Надежды Александровны, появляется содержание последнего письма Александра Ульянова Радовичу, которое последний уничтожил, не прочитав:

Я люблю вас и потому не могу поступить иначе. Я люблю вас и потому не могу поступить иначе. Я люблю вас и потому не могу поступить иначе. Я люблю вас и потому не могу поступить иначе. Я люблю вас и потому не могу поступить иначе.

Вот что было написано в письме Саши Ульянова.

Я люблю вас и потому не могу поступить иначе.

Ровно, отчетливо, честно. Тысячу раз подряд.

Радович так и не узнал никогда.

Никто никогда не узнал (с. 413).

Вообще, в романе появляется подробное описание детства Радовича, которое как будто все укладывается в описание жестко соблюдаемого ритуала домашнего ужина, которого придерживается его отец, помешанный на древности и знатности их рода, несмотря на нищету, в которой они существуют. Появляется детство Григория Ивановича Мейзеля, но не непосредственно героя, а его предка, жившего в конце XV – начале XVI в., и даже мать героини, Туси Борятинской, во время родов превращается в маленькую девочку, которую держит на руках ее отец. В этих описаниях есть большое количество деталей, воспринятых детским сознанием, которые именно таким вниманием к детскому отсылают к повести Льва Толстого. А герои романа как будто дополняют друг друга, все они словно являются лишь отражением Туси, единственной, которая не мучается, не сомневается, управляет всеми: и Гривой, Григорием Ивановичем Мейзелем, и собственной матерью, и судьбой Нюты, и своим мужем, Виктором Радовичем. К тому же она решает судьбу сада, который мешает реализации ее замыслов, приказывает вырубить, уничтожить его.

Прочтение романа «Сад» через призму темы детства, объединяющую героев как бы в единое целое, позволяет увидеть, что «Сад» становится своеобразной пародией на роман воспитания, в нем присутствуют многие темы и мотивы, характерные для жанра Bildungsroman, но все они искажаются, пастишируются. Иг-

ра с искаженными отражениями, в том числе и темы детства, как будто задается уже в эпиграфе, который представляет собой зашифрованную фразу, ключ к прочтению которой довольно прост и состоит в зеркальном переворачивании фразы, но смысл эпиграфа все равно остается туманным. Привлечение повести Л. Н. Толстого «Детство» в качестве «третьего текста» подсвечивает то, что в романе отсутствуют проявления детского сознания главной героини, тема детского восприятия реализуется через окружающих ее людей, а сама Туся превращается в силу, управляющую всеми другими героями, отражает и подменяет фигуру автора.

Список литературы

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М., 1986. 445 с.

Бахтин М. М. Слово в романе. СПб., 2017. 229 с.

Безруков А. Н., Смирнова М. В. Диалог с литературной классикой в романе Марины Степновой «Сад» // Заметки ученого. 2023. № 3. С. 217–220.

Жучкова А. В. Де Сад. О романе Марины Степновой «Сад» (2020) // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 99–110.

Иванов В. В. Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам: Сб. науч. ст. в честь М. М. Бахтина (к 75-летию со дня рождения). Тарту, 1973. Вып. 6. С. 5–45.

Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М., 1998. 471 с.

Мицз З. Г. Функция реминисценций в поэтике А. Блока // Труды по знаковым системам: Сб. науч. ст. в честь М. М. Бахтина (к 75-летию со дня рождения). Тарту, 1973. Вып. 6. С. 387–417.

Ребель Г. М. Сад обреченный: «прогулка по садам российской словесности» Марины Степновой // Вестник Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-та. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 112–121.

Резник О. В. «Мысль семейная» как жанрообразующая категория в эпическом наследии Марины Степновой (на примере романа «Сад») // Наследие веков. 2021. № 4 (28). С. 79–84.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М., 1999. 381 с.

Рябцева Н. Е., Топчиева М. В. Топос детства в современной русской литературе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 2 (29). С. 54–60.

Сады Серебряного века. Литература. Живопись. Архитектура / Сост. и науч. ред. Б. М. Соколова. М., 2022. 656 с.

Семенова Н. В. Цитата в художественной прозе (на материале произведений В. Набокова). Тверь, 2002. 200 с.

Смирнов И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). СПб., 1995. 192 с.

Степнова М. Л. Где-то под Гроссето: Рассказы. М., 2021а. 285 с.

Степнова М. Л. Сад: Роман. М., 2021б. 412 с.

Стрельникова Н. Д. Между замыслом книги и ее названием (роман М. Степновой «Сад») // Русское языкознание и литературоведение – 2022: Сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф., Тайбэй – Новосибирск, 15–17 декабря 2022 г. Новосибирск, 2023. С. 197–205.

Толстая Т. Н. Ночь. М., 2008. 416 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.. Серия первая «Произведения». М., 1935. Т. 1: Детство. Юношеские опыты. 355 с.

Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М., 2012. 280 с.

Шукина Д. А. Интертекстуальность как прием организации пространства художественного текста: роман М. Степновой «Сад» // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 838–843.

Ямпольский М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М., 1993. 464 с.

References

Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [The aesthetics of verbal creativity]. Comp. by S. G. Bocharov; text prep. by G. S. Bernshteyn and L.V. Deryugina; notes by S. S. Averintsev and S. G. Bocharov. Moscow, 1986, 445 p. (in Russ.)

Bakhtin M. M. Slovo v romane [Word in a novel]. St. Petersburg, 2017, 229 p. (in Russ.)

Bezrukov A. N., Smirnova M. V. Dialog s literaturnoy klassikoy v romane Mariny Stepnovoy “Sad” [Dialogue with literary classics in Marina Stepnova’s novel “The Garden”]. *Zametki uchenogo [Scientist’s Notes]*, 2023, no. 3, pp. 217–220. (in Russ.)

Fateeva N. A. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual’nosti [Intertext in the world of texts: Counterpoint to intertextuality]. Moscow, 2012, 280 p. (in Russ.)

Ivanov V. V. Znachenie idey M. M. Bakhtina o znake, vyskazyvanii i dialoge dlya sovremennoy semiotiki [The meaning of M. M. Bakhtin’s ideas on the sign, utterance and dialogue for modern semiotics]. In: *Trudy po znakovym sistemam. Sbornik nauchnykh statey v chest’ M. M. Bakhtina (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Works on sign systems. Collection of scientific articles in honor of M. M. Bakhtin (on his 75th birthday)]. Tartu, 1973, iss. 6, pp. 5–45. (in Russ.)

Likhachev D. S. Poeziya sadov: k semantike sadovo-parkovykh stiley. Sad kak tekst [Poetry of gardens: towards the semantics of gardening styles. Garden as text]. Moscow, 1998, 471 p. (in Russ.)

Mints Z. G. Funktsiya reministsentsiy v poetike A. Bloka [The function of reminiscences in the poetics of A. Blok]. In: *Trudy po znakovym sistemam. Sbornik nauchnykh statey v chest’ M. M. Bakhtina (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Works on sign systems. Collection of scientific articles in honor of M. M. Bakhtin (on his 75th birthday)]. Tartu, 1973, iss. 6, pp. 387–417. (in Russ.)

Rebel’ G. M. Sad obrechenny: “progulka po sadam rossiyskoy slovesnosti” Mariny Stepnovoy [The doomed garden: “a walk through the gardens of Russian literature” by Marina Stepnova]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya no. 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series no. 3. Humanities and social sciences]*, 2022, no. 1, pp. 112–121. (in Russ.)

Reznik O. V. “Mysl’ semeynaya” kak zhanroobrazuyushchaya kategoriya v epicheskom nasledii Mariny Stepnovoy (na primere romana “Sad”) [“Family Thought” as a genre-forming category in the epic legacy of Marina Stepnova (using the example of the novel “The Garden”)]. *Nasledie vekov [Heritage of centuries]*, 2021, no. 4 (28), pp. 79–84. (in Russ.)

Rudnev V. P. Slovar’ kul’tury XX veka: klyuchevye ponyatiya i teksty [Dictionary of 20th century culture: key concepts and texts]. Moscow, 1999, 381 p. (in Russ.)

Ryabtseva N. E., Topchieva M. V. Topos detstva v sovremennoy russkoy literature [Topos of childhood in modern Russian literature]. *Aktual’nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki [Current issues of modern philology and journalism]*, 2018, no. 2 (29), pp. 54–60. (in Russ.)

Sady Serebryanogo veka. Literatura. Zhivopis’. Arkhitektura [Gardens of the Silver Age. Literature. Painting. Architecture]. Comp. and scientific ed. by B. M. Sokolov. Moscow, 2022, 656 p. (in Russ.)

Semenova N. V. Tsitata v khudozhestvennoy proze (Na materiale proizvedeniy V. Nabokova) [Quote in fiction (Based on the works of V. Nabokov)]. Tver, 2002, 200 p. (in Russ.)

Shchukina D. A. Intertekstual’nost’ kak priem organizatsii prostranstva khudozhestvennogo teksta: roman M. Stepnovoy “Sad” [Intertextuality as a method of organizing the space of a literary text: M. Stepnova’s novel “The Garden”]. *Dinamika yazykovykh i kul’turnykh protsessov v sovremennoy Rossii [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia]*, 2022, no. 7, pp. 838–843. (in Russ.)

Smirnov I. P. Porozhdenie interteksta (Elementy intertekstual’nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka) [The generation of intertext (Elements of intertextual analysis with examples from the work of B. L. Pasternak)]. St. Petersburg, 1995, 192 p. (in Russ.)

Stepnova M. L. Gde-to pod Grosseto: Rasskazy [Somewhere near Grosseto: Stories]. Moscow, 2021, 285 p. (in Russ.)

Stepnova M. L. Sad: Roman [The Garden: A Novel]. Moscow, 2021, 412 p. (in Russ.)

Strelnikova N. D. Mezhdru zamyslom knigi i ee nazvaniem (roman M. Stepnovoy “Sad”) [Between the idea of a book and its title (novel by M. Stepnova “The Garden”)]. In: *Russkoe yazykoznanie i literaturovedenie – 2022 [Russian linguistics and literary criticism – 2022]*. Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Taipei – Novosibirsk, December 15–17, 2022. Novosibirsk, 2023, pp. 197–205. (in Russ.)

Tolstaya T. N. Noch’ [Night]. Moscow, 2008, 416 p. (in Russ.)

Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochineniy. Seriya pervaya “Proizvedeniya” [Complete collection of works. First seria “Works”]. Moscow, 1935, vol. 1, 355 p. (in Russ.)

Yampolskiy M. Pamyat’ Tiresiya. Intertekstual’nost’ i kinematograf [Memory of Tiresias. Intertextuality and cinema]. Moscow, 1993, 464 p. (in Russ.)

Zhuchkova A. V. De Sad. O romane Mariny Stepnovoy “Sad” (2020) [De Sade. About Marina Stepnova’s novel “The Garden” (2020)]. *Voprosy literatury [Questions of literature]*, 2021, no. 1, pp. 99–110. (in Russ.)

Абрамова К. В. «Детство» Л. Н. Толстого в романе Марины Степновой «Сад»

Информация об авторе

Ксения Вадимовна Абрамова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Ksenia V. Abramova, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 11.06.2023;
одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 12.07.2023
The article was submitted on 11.06.2023;
approved after reviewing on 12.07.2023; accepted for publication on 12.07.2023*